

Фреймовая организация концепта «время» в номинативных (русском, английском) и эргативном (ингушском) языках

Frame Organization of the Concept “Time” in Nominative (Russian, English) and Ergative (Ingush) Languages

DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-3-37-42

Получено: 17 апреля 2025 г. / Одобрено: 26 мая 2025 г. / Опубликовано: 26 июня 2025 г.

З.Б. Плиева

Аспирант «Высшей школы перевода» (факультет),
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия;
e-mail: zalina.bekkhanovna@mail.ru
ORCID ID: 0009-0002-2346-7917

Z.B. Plieva

Postgraduate Student of the Faculty:
The Higher School of Translation and Interpreting.
M.V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
e-mail: zalina.bekkhanovna@mail.ru
ORCID ID: 0009-0002-2346-7917

Аннотация

В настоящей исследовательской работе предпринимается попытка презентации концепта «время» с использованием фреймового анализа, позволяющего выявить базовые сценарии и роли, связанные с этим понятием в русском, английском и ингушском языках. Целью исследования является определить семантическую структуру концепта «время», посредством его фреймовой организации и выявить как общие, так и дифференциальные характеристики в рамках сравнительно-типологического анализа трех неродственных языков и культур. Методологической основой работы служит когнитивная лингвистика, а именно теория фреймов, позволяющая интерпретировать концепт как ментальную структуру, состоящую из взаимосвязанных фреймовых признаков и сценариев их реализации. Лексико-семантический анализ выявил ключевые фреймы, формирующие представление о «времени» в речемышлении носителей номинативных и эргативного языков: лингвистическое время, физическое время, философское время и религиозно-сакральное время. Результаты исследования позволяют углубить понимание когнитивных механизмов представления времени в русском, английском и ингушском языках и культурах. В частности, в статье презентована лингвокогнитивная модель фрейма «время» в рамках русского, английского и ингушского языков. Научная новизна представленной работы заключается в проведении первого комплексного фреймового анализа/исследования концепта «время» в трех языках с разной типологической принадлежностью (русском, английском и ингушском). Результаты исследования могут быть использованы/применены при разработке более эффективных стратегий перевода текстов, и/или для создания дополнительных теоретических моделей, объясняющих взаимосвязь между лингвистическими структурами и когнитивными схемами, а также для решения практических задач в области искусственного интеллекта и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: концептуализация времени, дейктическое поле, категоризация, стереотипные ситуации, пространственно-временные связи, фрейм «время», субфреймы.

Введение

Языковая картина мира находит свое специфическое и неоднозначное выражение в структуре языков разных этнических групп. Неоднозначность обусловливается рядом значимых факторов: история, социальное устройство, верования, традиции, обычаи, образ жизни и т.п. Одним из значимых факторов, характеризующих языковую картину мировосприятия и мироотражения, является *время* (анг. ‘*time/tense*’, инг. ‘*xa/metta xa*’). При этом значимость концепта «время» видится в том, что сквозь его призму, человек воспринимает все сущее в мире и главным образом, все события его жизни. По словам

Abstract

This research undertakes an attempt to represent the concept of “time” through frame analysis, enabling the identification of core scenarios and roles associated with this notion in Russian, English, and Ingush. The purpose of the study is to delineate the semantic structure of the concept “time” by examining its frame organization and to identify both shared and distinctive features within a comparative-typological analysis of these three unrelated languages and cultures. The methodological foundation of this work rests on cognitive linguistics, specifically frame semantics, which allows for the interpretation of the concept as a mental structure comprised of interconnected frame elements and scenarios of their realization. Lexical-semantic analysis revealed key frames shaping the representation of “time” in the conceptualizations of speakers of nominative and ergative languages: linguistic time, physical time, philosophical time and religious-sacral time. The findings contribute to a deeper understanding of the cognitive mechanisms underlying the representation of time in Russian, English, and Ingush languages and cultures. Specifically, this paper presents a linguocognitive frame model of the concept “time” across these three linguistic systems. The scientific novelty of this study lies in the first comprehensive frame semantic analysis/investigation of the concept of “time” across three languages with distinct typological profiles: Russian, English, and Ingush. The findings of this study have the potential to make a significant contribution to the development of more effective translation strategies and/or to the formulation of novel theoretical models elucidating the relationship between linguistic structures and cognitive schemas. Furthermore, these results may inform practical applications in artificial intelligence and cross-cultural communication.

Keywords: conceptualization of time, deictic domain, categorization, stereotypical situations, spatiotemporal relations, “time” frame, subframes.

А.Я. Гуревича, «мало найдется таких показателей культуры, которые в такой степени характеризовали бы ее сущность как понимание времени. В нем воплощается, возрождается, с ним связано мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к этой жизни и к вещам» [4, с. 15–16]. Исследование концепта «время», концептуальной метафоры и фреймовых моделей в русском и английском языках представлено работами таких ученых-лингвистов, как Дж. Лайонз, Дж. Лакофф, М. Минский, Ч. Филлмор, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.А. Маслова, Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, В.И. Хайруллин, Ю.Н. Караполов,

Н.К. Гарбовский и др. В кавказских языках, в частности в ингушском, существенно отличающемся по своей грамматической структуре от русского и английского языков, данная проблема рассматривалась Л.У. Тариевой, Н.М. Барахоевой, Л.И. Кодзоевой, Э.Г. Оздоевой, Т.И. Дешериевой и др. Вследствие этого становится важным исследование этого фундаментального концепта с учетом его лингвокультурологических особенностей с точки зрения когнитивной лингвистики и науки о переводе.

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов-компаративистов к изучению взаимосвязи между объективной реальностью, субъективным опытом, когнитивными презентациями и их отражением в языковой картине мира носителей различных языков и этнокультур. Особое внимание уделяется структурированию этих взаимосвязей, что представляется значимым для развития таких наук, как когнитивистика и наука о переводе.

Поставленными **задачами** исследования являются следующие:

- 1) провести обзор специальной, научной литературы по теме исследования: систематизация теоретического;
- 2) проанализировать лингвистические теории, раскрывающие сущность термина «фрейм» и постараться дать ему общее и универсальное понятие/определение в рамках сравнительно-типологического анализа трех неродственных языков и культур;
- 3) выявить, как универсальные, так и специфические закономерности организации концепта «время», посредством построения схематической лингвокогнитивной модели фрейма «время».

Научная новизна исследования. Впервые представлено и проведено сопоставительное фреймовое исследование концепта «время» в рамках номинативных (русский и английский) и эргативного (ингушский) языков. Данное исследование позволяет выявить универсальные и специфические способы когнитивной организации такого базового понятия, как концепт «время», в различных лингвистических системах.

Теоретическая значимость исследования заключаются в том, что результаты исследования позволяют расширить понимание когнитивных механизмов презентации времени в различных лингвистических системах, а также имеют значимую ценность для дальнейших исследований в области когнитивной лингвистики, типологического языкоznания, темпорологии и науки о переводе, особенно в контексте анализа межъязыковой интерпретации концептов.

Практическая значимость статьи заключается в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы/применены при разработке более эффективных стратегий перевода текстов, и/или для создания дополнительных теоретических моделей, объясняющих взаимосвязь между лингвистическими структурами и когнитивными схемами, а также для решения практических задач в области искусственного интеллекта и межкультурной коммуникации.

Основными методами исследования концепта «время» и его фреймовой организации в трех неродственных языках являются аналитический, семантический, сравнительно-типологический, лингвокогнитивный.

Обзор литературы

В лингвистике *время*, прежде всего, является грамматической категорией, проявляющейся в различных формах глагола и служащей для выражения временных отношений между событиями и действиями. Она позволяет нам уловить динамику языковых единиц: их прошлое состояние (прошедшее время), текущее существование (настоящее время) или будущие изменения (будущее время). Согласно этому, отношение говорящего (носителя того или иного языка, представителя той или иной культуры) ко времени – отличное, как отлично и выражение времени в каждом из языков, поскольку концепты, определяющие время, у всех разнотипные.

Несмотря на это, эффект от восприятия времени и выражения его в языке тем или иным индивидом осуществляется одинаково и поэтапно:

- 1) от запуска механизма пространства (это основание, на фоне которого запускается механизм времени, воспринимаемого чувственным аппаратом человека, к примеру, глазом);
- 2) до совершения механического действия (перевести взгляд из точки *A* в точку *B*).

Отсюда следует, что любое совершаемое действие, движение и/или событие происходит/совершается в непрерывной связи со временем и точно так же характеризуется пространственным положением. «Мы распознаем время, «когда разграничиваем движение, определяя предыдущее и последующее...»¹. В лингвистике, пространственное положение человека, согласно К. Бюлеру, выступает как дейктическое поле человека: «*Я здесь и сейчас*», где фигурирующим является антропоцентрический аспект (т.е. человек – средоточие Вселенной) [2, с. 195]. При этом сам

¹ Бредшоу Д. Аристотель на Востоке и на Западе: Метафизика и разделение христианского мира / Отв. ред. А.Р. Фокин / Ин-т философии РАН. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 35. URL: <https://predanie.clients-cdnnow.ru/download/uploads/ftp/bredshou-devid-brads/aristotel-na-vostoke-i-na-zapade-metafizika-i-ra/aristotel-bredshou.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

наблюдатель движется, переживая собственное (индивидуальное) время. Исходя из этого, он (наблюдатель) предварительно проецирует любое действие и происходящее событие на самом себе (в первом лице, ед. ч), а уже после — на окружающих (необходимая форма лица, число и время). В конечном итоге все, что дано человеку априори, согласно концепции Л.У. Тариевой: «постулированности и приобретенности», проходит этап обработки и систематизации, на которые, главным образом, требуется *время*. Поясним.

В номинативных языках, таких как русский и английский, лексемы *день* (рус.) и *day* (англ.) функционируют как темпоральные единицы постулированной семантики. Данные лексемы обладают полисемией, проявляющейся в следующих значениях: 1) период времени, равный 24 часам (сутки); 2) дневное время, обычно охватывающее промежуток между полуднем и наступлением темноты. Производные от этих лексем, такие как «*полдень*» в русском и *today* ‘сегодня’ в английском демонстрируют свойства темпоральных единиц-расширителей, отражающих приобретенную семантику. Аналогичная картина наблюдается в ингушском языке (эргативного строя), где лексемы *ха* и *хан* ‘время’, выступают в роли темпоральных единиц постулированной семантики. Производные формы, такие как *сел(хан)* ‘вчера’ и *та(хан)* ‘сегодня’, представляют собой темпоральные единицы с приобретенной семантикой, поскольку они отражают завершение процесса субъективной обработки первичных временных характеристик лицом — говорящим [11, с. 124, 127, 145].

По мнению Е.Ф. Тарасова, «человеческий способ осмысления мира естественным образом выражается в стремлении сделать умопостижимыми познаваемые явления, придавая этим явлениям уже ранее осмысленную в практике законосообразность [10, с. 91]». Исходя из этого, мы приходим к выводу, что время в языке является инструментом категоризации и упорядочивания опыта, позволяющим осмыслять последовательность событий и их причинно-следственные связи, а также отражает культурно обусловленные представления о течении времени. В современной когнитивной лингвистике моделью определенной области опыта, в котором вычленяются элементы-аргументы и базовый предикат, связывающий эти аргументы для представления стереотипных ситуаций, особенно при организации больших объемов памяти, является *фрейм* [5, с. 187; 1, с. 37]. В этой связи фрейм выступает в качестве ключевой организующей структуры концепта «время».

Основными характеристиками такой структуры, по словам когнитологов, являются следующие:

1) она представляет собой сеть, состоящую из узлов и связей: ее верхние уровни четко очерчены, так как понятия верхнего уровня являются всегда справедливыми в отношении какой-либо определенной ситуации, а на нижних уровнях имеется множество особых вершин-терминалов, которые необходимо заполнить примерами и/или данными [8, с. 8]; 2) она мотивирует, структурирует и определяет объединение номинативных единиц в (семантические *макро-* и *микро-*) поля, классы и разряды [12, с. 54, 66]; 3) она включает в себя более мелкие структуры — подсхемы, которые используются для представления различного рода знаний [15, р. 250]; 4) это структура, альтернативно обозначаемая термином «*гештальт*», представляет собой когнитивную организацию знаний, основанную на процессах метафоризации, где особую роль играет опыт взаимодействия человека с окружающим миром (объективным, социальным), в результате которого формируются ментальные структуры, которые впоследствии проявляются на языковом уровне в виде онтологических метафор [16, 1980, pp. 117, 214]; 5) она выступает в большей степени в качестве *оперативных единиц памяти*, где преобладают стереотипные ситуации, сценарии и накопленный человеком опыт, в последующем суммирующиеся в *концепты* — совокупность всех смыслов, схваченных словом, а после формирующиеся как *гештальты* — целостные дополнительные образы фрагментов мира [7, с. 10]; 6) она является своего рода «структурированным знанием о некотором стереотипном положении вещей — о ситуации, событии, факте, явлении, действии, каком-либо материальном или нематериальном объекте, которые постепенно, накапливаясь в сознании переводчика о чужой культуре, фиксируются в виде фреймов» [3, с. 408–409]; 7) «ее можно рассматривать как отражение распространенных контекстов употребления слова, констатацию направлений семантических изменений и рекомендацию к более полному лексикографическому представлению знаний» [6, с. 89]; 8) она «позволяет выявить семантические и синтагматические особенности лексической единицы, объяснить такие явления, как полисемия и синонимия» [14, с. 24]; 9) «в основе ее могут лежать особые фреймы, созданные в результате когнитивного развития народа в период выработки и освоения им своей сложной концептуальной системы» [13, с. 11].

Результаты исследования: авторское видение

В ходе анализа рассмотренных концепций и гипотез была предпринята попытка разработки универсального определения понятия *фрейм* «время» в

рамках теории когнитивной лингвистики и науки о переводе, применимого к языкам с номинативным и эргативным строем.

Фрейм концепта «время» представляет собой иерархическую когнитивную структуру, обеспечивающую организацию восприятия ситуации посредством категоризации объектов и действий, а также установления пространственно-временных взаимосвязей между ними. При этом фрейм концепта «время» направлен на то, чтобы с помощью его сценариев и стереотипных ситуаций можно было организовать восприятие носителем того или иного языка – времени.

Таким образом, на основе минимального семантического содержания концепта «время» можно выявить его фреймовую структуру. Данная структура включает следующие вершинные узлы – субфреймы: «лингвистическое время», «физическое время», «философское время», «религиозно-сакральное время» и при соединяемые к ним (к узлам) слоты с определенной лексической репрезентацией: «ключевые элементы/характеристики», «свойства субфреймов», «компоненты субфреймов», «переводческие трансформации (ПТ) и приемы (ПП)». Наименование узлов, репрезентирующих ключевые аспекты концепта «время», и каждого слота обусловлено их семантическим содержанием и структурными особенностями. Это позволяет идентифицировать и представить релевантные свойства, компоненты и ключевые элементы, соответствующие каждому из вышеупомянутых аспектов. Для визуализации структуры фрейма «время» и отображения взаимосвязей между его элементами предлагаются использовать табличную модель данных, в которой столбцы соответствуют слотам, а строки – конкретным экземплярам информации, характеризующим содержание каждого слота (рис. 1).

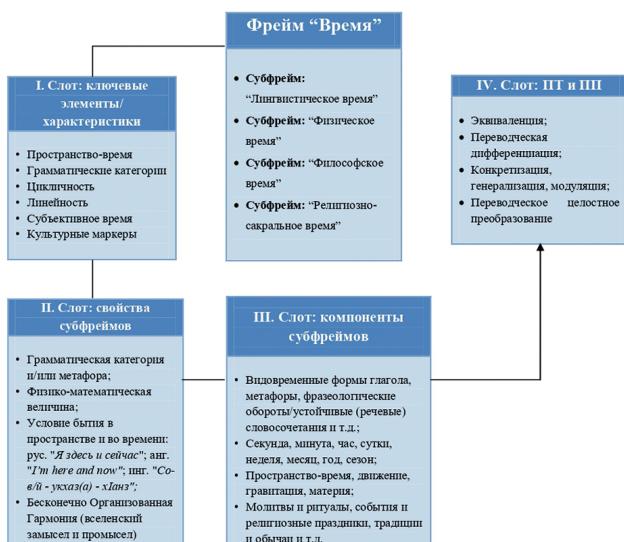

Рис. 1. Лингвокогнитивная модель фрейма «время»

в русском, английском и ингушском языках

Представленная модель охватывает лишь некоторые аспекты концепта «время» и не претендует на его полное описание. Количество выделенных слотов в модели является переменным и может варьироваться. Так, субфрейм «Лингвистическое время», выступая как макрополе, включает в свою область такие микрополя-репрезентанты, как видовременные формы глагола, метафоры, фразеологические обороты/устойчивые (речевые) словосочетания и т.д. При этом согласно концепции Н.К. Гарбовского в переводоведении при передаче с ИЯ на ПЯ идиоматических выражений/устойчивых речевых словосочетаний, пословиц, поговорок и пр. нередко используется такой переводческий прием, как **эквиваленция** [3, с. 409]. Помимо этого, значительную роль играет такая переводческая трансформация, как **дифференциация понятий**. Согласно ей слово или словосочетание оригинального текста заменяется словом или словосочетанием в тексте перевода на основе общей **архисемы**, при этом дифференциальные семы могут оказаться различными [3, с. 443]. Так, концепт «время» в сознании носителей различных языков, в нашем случае – русского, английского и ингушского, может ассоциироваться и выступать как более мелкая временная единица: секунда, минута, час и т.д. Эти единицы в зависимости от контекста и на основе одной общей **архисемы** – «время» могут быть четко выражены при переводе с исходного языка (ИЯ) на язык перевода (ПЯ).

В свою очередь, эти же единицы времени, как и следующие за ними: сутки, неделя, месяц, год, сезон и пр. формируют микрополе в темпоральной области субфрейма «Физическое время». В частности, структура таких категорий, как неделя (организованная через дни) и год (через месяцы), демонстрирует кумулятивный подход к организации времени. В.И. Хайруллин выделяет различные типы фреймов, основанных на субфрейме «Физическое время».

Согласно его исследованию, лексикографическая структура названий дней недели в русскоязычной культуре демонстрирует связь со **счетно-сакральным фреймом**, обусловленную использованием порядковых числительных в наименованиях первых пяти дней, в отличие от наименований субботы и воскресенья, которые, по его словам, отражают **концептуально-сакральную организацию знания** и связаны с библейской традицией [13, с. 12].

В сопоставительном анализе В.И. Хайруллин рассматривает и англосаксонскую культуру, где наименования дней недели отражают **планетарный фрейм**: *Sunday – day of the sun, Monday – day of the moon, Tuesday – day of Mars* и т.д. Это свидетельствует о на-

личии фреймовой структуры, проявляющейся во внутренней форме этих лексических единиц [13, с. 11].

Культура носителей эргативного ингушского языка, равно как и русскоязычная, также демонстрирует тесную связь со *счетно-сакральным фреймом*, проявляющуюся в *специфических этнокультурных особенностях*. В традиционной ингушской календарной системе номинация первых пяти недельных единиц формируется с использованием порядковых чисительных, тогда как наименования «ингушской субботы» (инг. *сини шоатта ди* – ‘жертвенный субботний день’) и «ингушского воскресенья» (инг. *кИран ди* – ‘недельный, божий день’):

- 1) связывались с культом почитания таких божеств, как *Тутур* – покровитель овец и *Периска* – бог времени;
- 2) приравнивались к особенным дням, поскольку *кИран ди* воспринимался как день начала новой жизни и недели соответственно, а *сини шоатта ди*, подобно христианскому водосвятию, отмечался традицией дарения милости в память об усопших. В современном ингушском языке наблюдается редукция лексемы «*сини*». В связи с этим на сегодняшний день в разговорной практике преобладает сокращенное наименование субботы – *шоатта ди* [9, с. 119–122].

Таким образом, фрейм выступает в качестве основной системообразующей структуры, определяющей организацию и взаимосвязи внутри концептуальной области.

Заключение

Проведенное исследование, посвященное фреймовой организации концепта «время» в русском, английском и ингушском языках, позволило выявить как общие, так и дифференциальные характеристики его структуры в рамках сравнительно-типологического анализа:

- 1) применение когнитивно-лингвистической методологии, основанной на теории фреймов, под-

твердило интерпретацию концепта «время» как сложной ментальной структуры, состоящей из взаимосвязанных фреймовых признаков и сценариев их реализации;

- 2) лексико-семантический анализ позволил выявить доминирующие фреймы: *лингвистический, физический, философский и религиозно-сакральный*. Они, в свою очередь, оказывают существенное влияние на репрезентацию концепта «время» в речевом мышлении носителей трех разноструктурных языков (русского, английского и ингушского);
- 3) в рамках исследования были идентифицированы различные типы фреймовых структур, включая *счетно-сакральный фрейм*, а также его вариации с включением элементов *этнокультурных и традиционных признаков*, и *планетарный фрейм*. Установлено, что, несмотря на различия в грамматических структурах и культурных контекстах, концепт «время» обладает определенной универсальной семантической основой, проявляющейся в наличии общих фреймовых признаков;
- 4) систематизация полученных данных и теоретических источников позволила построить схематическую лингвокогнитивную модель фрейма «время», отражающую как универсальные закономерности его организации, так и специфические особенности, обусловленные языковой и культурной принадлежностью.

Достигнутые результаты позволяют углубить понимание взаимосвязи между лингвистической категорией валентности и когнитивной организации концепта «время». Перспективы дальнейших исследований включают: 1) расширение выборки языков, представляющих различные типологические семьи; 2) анализ влияния социокультурных факторов на формирование фреймовой структуры концепта «время»; 3) применение полученных данных для разработки моделей машинного обучения в области обработки естественного языка.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н.Н. Болдырев. — Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2000. — 123 с.
2. Бюллер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка [Текст] / К. Бюллер; пер. с нем.; общ. ред. Т.В. Булыгиной. — М.: Прогресс, 1993. — 528 с.
3. Гарбовский Н.К. Теория перевода [Текст]: учебник / Н.К. Гарбовский. — 2-е изд. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. — 544 с.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А.Я. Гуревич. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Искусство, 1984. — 350 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова [и др.]. — М.: Изд-во филол. фак. МГУ, 1996. — 245 с.
6. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи [Текст] / Е.С. Кубрякова. — М.: Наука, 2009. — С. 72–81.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика [Текст]: учеб. пособие / В.А. Маслова. — 2-е изд. — Минск: ТетраСистемс, 2005. — 256 с.
8. Минский М. Фреймы для представления знания [Текст] / М. Минский. — М.: Энергия, 1979. — 152 с.
9. Плиева З.Б. Традиционный ингушский календарь: представление и исследование [Текст]: монография / З.Б. Плиева. — Назрань: Пилигрим, 2020. — 328 с.
10. Тарасов Е.Ф. О формах существования сознания [Текст] / Е.Ф. Тарасов // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — М.: Институт языкоznания, 1993. — С. 86–97.
11. Тариева Л.У. Наречие в ингушском языке: морфология [Текст] / Л.У. Тариева. — Германия: LAPLAMBERT Academic Publishing, 2012. — 233 с.

12. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — Вып. 23. — С. 52–92.
13. Хайруллин В.И. Перевод и фреймы: учеб. пособие / В.И. Хайруллин. — М.: LIBROKOM, 2020. — 142 с.
14. Цыцаркина Н.Н. Объективация фреймов «социальных отношений» в современном английском языке [Текст]: монография / Н.Н. Цыцаркина. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. — 130 с.
15. Bell R.T. Translation and Translating: Theory and Practice. London-New York: Longman, 1991. 298 p.
16. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.

References

1. Boldyrev N.N. Kognitivnaya semantika: Kurs lektsii po angliiskoi filologii [Cognitive Semantics: Lecture Course on English Philology]. Tambov: Tambov University Press, 2000. 123 p. (In Russian).
2. Buler K. Teoriya yazyka. Repräsentativnaya funktsiya yazyka [Theory of language. Representative function of language: Trans. from Germ. General]. Ed. T.V. Bulygina. Moscow: Progress, 1993. 528 p. (In Russian).
3. Garbovskiy N.K. Teoriya perevoda: Uchebnik [Translation theory: Textbook]. 2nd ed. Moscow: Mosk. un-ta Publ., 2007. 544 p. (In Russian).
4. Gurevich A.YA. Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of medieval culture]. 2 nd ed., rev. and additional. Moscow: Art, 1984. 350 p. (In Russian).
5. Kratkii slovar' kognitivnykh terminov [A brief dictionary of cognitive terms]. E.S. Kubryakova et al. Moscow: Philol. Fak of MSU, 1996. 245 p. (In Russian).
6. Kubryakova E.S. Chelovecheskii faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rechi [The human factor in language. Language and speech generation]. Moscow: Nauka, 2009, pp. 72–81. (In Russian).
7. Maslova V.A. Kognitivnaya lingvistika: ucheb. posobie [Cognitive linguistics: textbook.]. 2nd ed. Minsk: TetraSystems, 2005. 256 p. (In Russian).
8. Minsky M. Frames for Representing Knowledge [Freimy dlya predstavleniya znaniya]. Moscow: Ehnergiya, 1979. 152 p. (In Russian).
9. Plieva Z.B. Traditsionnyi ingushskii kalendar': predstavlenie i issledovanie: monografiya [Traditional Ingush calendar: presentation and research: Monograph. Nazran: Piligrim, 2020. 328 p. (In Russian).
10. Tarasov E.F. O formakh sushchestvovaniya soznaniya // Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost' [On the Forms of Existence of Consciousness // Language and Consciousness: Paradoxical Rationality]. Moscow: Institut yazykoznaniya, 1993, pp. 86–97. (In Russian).
11. Tarieva L.U. Narechie v ingushskom yazyke: morfologiya [Adverb in the Ingush language: morphology]. Germany: LAPLAMBERT Academic Publishing, 2012. 233 p. (In Russian).
12. Fillmore Ch. Freimy i semantika ponimaniya // Novoe v zarubezhnoi lingvistike: kognitivnye aspekty yazyka [Frames and the Semantics of Understanding // New in Foreign Linguistics: Cognitive Aspects of Language]. Moscow: Progress, 1988, i. 23, pp. 52–92. (In Russian).
13. Khairullin V.I. Perevod i freimy: Uchebnoe posobie. Izd. stereotip [Translation and frames: Textbook. Stereotype Publishing House]. Moscow: LIBROKOM, 2020. 142 p. (In Russian).
14. Tsytsarkina N.N. Ob"ektivatsiya freimov «sotsial'nykh otnoshenii» v sovremennom angliiskom yazyke: Monografiya [Objectification of frames of "social relations" in modern English: Monograph]. Kurgan: Publishing house of Kurgan State University, 2010. 130 p. (In Russian).
15. Bell R.T. Translation and Translating: Theory and Practice. London-New York: Longman, 1991. 298 p. (In English).
16. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 242 p. (In English).